

В. Н. БИБИЛО

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕРКИ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРИГОВОРОВ, НЕ ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ

В реализации задач советского уголовного судопроизводства наряду с судами первой инстанции участвуют суды второй инстанции. Их деятельность направлена на то, чтобы не допустить вступления в законную силу судебных приговоров, определений и постановлений, в которых имеются нарушения требований материального или процессуального законов. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 года «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия» сказано, что свыше 96 % уголовных дел разрешается судами в строгом соответствии с законом и по ним выносятся обоснованные и справедливые судебные акты, однако некоторые суды при разрешении дел в кассационном порядке мирятся с нарушениями законов, не устраняют судебные ошибки, что ослабляет борьбу с преступностью и подрывает авторитет суда¹.

Наиболее часто предметом исследования суда второй инстанции является приговор. Поскольку в приговоре отражаются не только результаты деятельности суда первой инстанции, но и предварительного расследования, полномочия суда второй инстанции распространяются и на проверку деятельности, предшествующей судебной. В кассационном порядке ежегодно проверяется до 27 % дел, рассмотренных народными и до 66 % дел — областными или равными им судами².

В деятельности судов первой и второй инстанций имеются существенные различия. Если для суда первой инстанции главным является установить факты, составляющие предмет доказывания, дать им социально-правовую оценку и определить последствия применения уголовного закона к конкретным обстоятельствам, то для суда второй инстанции главное — проверить правильность разрешения дел, рассмотренных судами первой инстанции. Для обоих судов законом предусмотрены разные процессуальные условия исследования обстоятельств преступления. Суд, постановляющий приговор, непосредственно воспринимает доказательства, а проверяя законность и обоснованность не вступившего в законную силу судебного решения, он ограничивается рассмотрением письменных материалов. В ст. 341 УПК БССР сказано: «При рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет законность и обоснованность приговора по имеющимся в деле и дополнительно представленным материалам».

В заседании суда, рассматривающего дело в кассационном порядке, может участвовать защитник, гражданский истец, гражданский ответчик, потерпевший и их представители, а также представители общественных организаций и трудовых коллективов. Вопрос об участии осужденного в заседании суда, рассматривающего дело в кассационном порядке, разрешается этим судом. Явившийся в судебное заседание осужденный или оправданный во всех случаях допускается к даче объяснений (ст. 344 УПК). Участие прокурора в кассационном производстве является обязательным, поскольку прокурор дает заключение о законности и обоснованности приговора и это является одной из частей кассационного рассмотрения дела (ст. 344 и 346 УПК). Протокол заседания суда не ведется. Со-

держание заявлений, выступлений, ходатайств и объяснений, а также заключения прокурора излагаются в определении суда. Само же судебное заседание в стадии кассационного производства состоит из следующих частей: 1) подготовительной; 2) доклада члена суда; 3) объяснений участников процесса; 4) заключения прокурора и 5) вынесения определения.

Достаточно ли таких процессуальных средств для стадии кассационного производства, чтобы стать надежной гарантией исполнения только правосудных приговоров? Как уже отмечалось, судебное следствие в кассационном производстве отсутствует. Суд полагается на информацию, отраженную в протоколе заседания стадии судебного разбирательства. Приговор не может быть признан законным и обоснованным, если содержащиеся в нем выводы не соответствуют доказательствам, проверенным в ходе следствия и отраженным в протоколе судебного заседания. Поэтому протокол судебного заседания необходимо расценивать как процессуальный документ, на котором основывается и за которым следует приговор суда. Между тем в УПК вопрос о статусе протокола в стадии судебного разбирательства не нашел обоснованного разрешения. Так, в ст. 264 УПК сказано, что протокол судебного заседания должен быть подписан не позднее чем через трое суток после судебного заседания, а по сложным делам — через семь суток. В течение трех суток после подписания протокола прокурор, защитник, подсудимый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители могут подать свои замечания по протоколу (ст. 265 УПК). Свидетель не назван в числе участников процесса, которые могут проконтролировать, как записаны в протоколе его показания. Однако свидетельские показания являются основным источником доказательств. Хотя свидетель — лицо, не заинтересованное в исходе дела, но его показания имеют исключительно важное значение для выводов суда. Кроме того, на практике суд не пренебрегает и информацией, содержащейся в выступлениях эксперта и специалиста.

В юридической литературе высказано мнение, чтобы сделанные секретарем судебного заседания записи допросов подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста оглашались после каждого допроса и их правильность обсуждалась сторонами с оставлением за судом права принятия окончательного решения³. Проведение в жизнь этого предложения существенно повысило бы значимость судебного заседания.

Эффективным представляется и введение такого правила, когда каждый из участников процесса, давших показания в стадии судебного разбирательства, ставил бы свою подпись в протоколе судебного заседания сразу же после оглашения содержания его выступления. Хотя при этом продолжительность судебного процесса несколько удлинится, но в целом сэкономит время, которое затрачивается на изготовление протокола, ознакомление с ним участников процесса и рассмотрение замечаний. Кроме того, предлагаемый порядок усилит воспитательную роль судебного заседания и повысит значение такого уголовно-процессуального действия, как предупреждение свидетеля об уголовной ответственности за отказ или отклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 285 УПК), а также предупреждение эксперта об ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу заведомо ложного заключения (ст. 276 УПК)⁴. Значит, при постановлении приговора суд не может использовать протокол судебного заседания, поскольку он к этому времени еще не подготовлен. Протокол как процессуальный документ становится предметом исследования лишь суда, проверяющего законность и обоснованность приговора. Низкое качество протокола сказывается на эффективности кассационного производства. Ведь суд второй инстанции, лишенный возможности непосредственного исследования доказательств, неизбежно повторит ошибки суда первой инстанции, вытекающие из протокола судебного заседания, и закрепит их в своем определении.

Неточности, упущения, спорные положения в приговоре осложняют его исполнение. Препятствия такого рода устраняются в порядке исполнения приговора, поскольку они не затрагивают его существа (ст. 376 УПК). Может ли такие дефекты исправлять кассационный суд, если он обнаружил их в ходе проверки законности и обоснованности приговора? Действующим законодательством такое право кассационной инстанции не предоставлено. Поэтому может сложиться парадоксальная ситуация: кассационный суд должен сознательно повторять в своем определении те же ошибки, которые допущены в приговоре. Поэтому предоставление кассационному суду права устранения дефектов приговора диктуется необходи-

мостью не только оперативности судопроизводства, но и тем, что проверка законности и обоснованности приговора не будет полной, если вышестоящий суд обойдет своим вниманием даже несущественные ошибки суда нижестоящего.

Некоторые авторы предлагают расширить полномочия суда при проверке законности и обоснованности приговоров, не вступивших в законную силу, и ввести в кассационное производство элементы апелляции⁵. Противоположного мнения придерживается М. С. Строгович. По его мнению, в расширении прав кассационного суда нет необходимости, ибо это приведет к апелляции, которая создаст почву для необоснованных выводов, подлежащих непосредственному исследованию⁶. Представляется, что опасения М. С. Строговича не имеют оснований. В деятельности государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, всегда имеется, в рамках закона, простор для усмотрения, однако по большинству уголовных дел истина устанавливается. Следует отметить, что во многих странах социалистического содружества проверка законности и обоснованности судебных актов, не вступивших в законную силу, по своему характеру является кассационно-апелляционным производством с преобладанием элементов кассации или апелляции⁷.

В советское уголовно-процессуальное законодательство необходимо ввести нормы, согласно которым суды второй инстанции без отмены приговора и направления дела на новое судебное разбирательство могли бы изменять приговор, как в лучшую для подсудимого сторону, так и в сторону неблагоприятную для него, если фактические обстоятельства дела установлены судом первой инстанции правильно. При этом должно быть обеспечено дифференцированное рассмотрение дел в зависимости от совершенного преступления и наказания, предусмотренного за него уголовным законом. Это не означает отказа от таких демократических черт кассационного производства, как свобода обжалования, ревизионный порядок производства, возможность представления в суд второй инстанции дополнительных материалов. Для переоценки доказательств, а также исследования дополнительных материалов необходимо проведение судом второй инстанции судебного следствия, чтобы выявить ошибочность или неполноту решения суда, вынесшего приговор, и не направлять дело на новое судебное разбирательство. Наличие в кассационном производстве элементов апелляции не должно вести к отказу от производства в порядке судебного надзора. Деятельность по проверке законности и обоснованности не вступивших в законную силу судебных решений, даже с элементами апелляции, не может полностью исключить судебные ошибки. Следует учитывать и то, что для приговоров Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик кассационное производство вовсе исключено, поскольку они вступают в законную силу немедленно после вынесения. Часть же приговоров лишается проверки в кассационной инстанции вследствие отсутствия кассационной жалобы либо протеста прокурора. Кроме того, нельзя игнорировать и возможности вынесения ошибочных решений самими кассационным судом. Они подлежат устранению в порядке судебного надзора.

Таким образом, суд, проверяющий законность и обоснованность приговора, находится в процессуальных условиях, которые не всегда позволяют обеспечить надлежащую проверку законности и обоснованности приговора, что сказывается на эффективности кассационного производства. Предоставление суду второй инстанции возможности непосредственно исследовать доказательства окажет положительное воздействие на качество осуществления правосудия в целом.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 1. С. 8.

² См.: Темушкин О. П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. М., 1978. С. 144.

³ См.: Баренбойм П. Д., Рубежов Г. С. О повышении качества и доказательственного значения протокола судебного заседания // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Вып. 43. С. 70.

⁴ Субъектом преступления по ст. 177 и 178 УК БССР может быть свидетель, потерпевший и эксперт. В УПК не содержится нормы о предупреждении потерпевшего в стадии судебного разбирательства об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Такое противоречие между УК и УПК необходимо устранить.

⁵ См.: Перлов И. Л. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 81—82; Кулаева О. И. Вопросы повышения эффективности кас-

сационного производства // Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1979. Вып. 2. С. 98; Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 120.

⁶ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 388.

⁷ См.: Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. М., 1978. С. 306.

В. Г. ТРУБКИН

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН, ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА И БЛАГОУСТРОЙСТВА

«Граждане СССР имеют право на жилище, — записано в Конституции СССР. — Это право обеспечивается развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, предоставляемой по мере осуществления программы строительства благоустроенных жилищ».

В Минске, например, только за XI-ю пятилетку введено в эксплуатацию около 4 млн кв. м жилья (примерно 80 тыс. квартир), что позволило более чем 250 тыс. минчан улучшить жилищные условия¹. Но, чтобы обеспечить к 2000 году каждую семью отдельной квартирой или индивидуальным домом, как установил XXVII съезд КПСС, надо всемерно форсировать количество и улучшать качество сдаваемых в эксплуатацию жилых домов.

Для нормальной жизни советских людей и эффективного функционирования жилищно-коммунального хозяйства необходимо, чтобы граждане и должностные лица четко выполняли правовые нормы, регулирующие процессы заселения, содержания и эксплуатации в населенных пунктах жилых помещений, а также содержания и эксплуатации других зданий, сооружений и прилегающих к ним территорий.

Советское законодательство, предоставляя гражданам определенные права в сфере жилищных отношений, устанавливая способы их защиты, возлагает и определенные обязанности, невыполнение которых влечет юридическую ответственность, в том числе и административную.

Административная ответственность за нарушение жилищных прав граждан, а также правил, регулирующих функционирование жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства (нарушение порядка постановки на учет для улучшения жилищных условий, сроков заселения жилья, нарушение правил пользования жилыми помещениями, самовольное строительство, нарушение требований по благоустройству и содержанию населенных пунктов), предусмотрена главой одиннадцатой Кодекса Белорусской ССР об административных правонарушениях (в дальнейшем — Кодекс).

Объектом указанных правонарушений, с которыми необходимо решительно бороться, являются: социалистическая собственность, социально-экономические, политические и личные права граждан, права и законные интересы предприятий, учреждений и организаций, установленный порядок управления. Если, например, гражданин имеет все предусмотренные законодательством основания быть поставленным на учет по улучшению жилищных условий, а исполком райсовета или администрация и профком предприятия, учреждения, организации, где он работает, отказали ему в этом, то в данном случае нарушены социальные права гражданина: он поставлен в неравные с другими гражданами условия. Нарушены его личные права, так как нуждаясь в улучшении жилищных условий, он лишен возможности их улучшить; нарушен установленный порядок управления, ибо не соблюдены нормы действующего законодательства.

Гражданин, самовольно построивший дом, нарушил тем самым право государственной собственности на землю, пользоваться которой можно только с разрешения органов государственной власти — Советов народных депутатов. Кроме того, им нарушены и правила строительства, что является нарушением установленного порядка управления. В соответствии с Основами законодательства Союза СССР и союзных республик об адми-